

ДЕНЬ СЛАВЫ.

(Окончание).

Но три ли там пилота? Нѣтъ, ихъ четверо. Четвертый молчаливо ждетъ своей очереди — онъ тоже долженъ раздѣлить общую славу. Это механическій пилотъ ... Пришелъ моментъ, когда холодному и сложному стальному механизму вручается судьба и корабля и экипажа. Онъ включается въ проволоки — нервы, руководящѣ рулями, ему прибавляется немного механическихъ мозговъ, дается высота и направление и пилотъ - роботъ точно и покорно выполняетъ порученіе ... Роботъ ведетъ корабль пять минутъ, десять .. Полчаса. Какъ будто въ механизмѣ появился разумъ и чувство мѣры, знакомое лишь человѣку съ большой выдержкой.

Весь экипажъ въ восторгѣ .. Это вноситъ оживленіе въ рутину заученнаго круга, но вотъ поворотъ и роботъ нуждается въ помощи. Онъ этого «не проходилъ» ... Да и кругъ приходитъ къ завершенію ...

Въ 3 ч. 20 мин. 38 сек. мы съ волненіемъ благословляемъ серебрянную волшебную птицу въ его четвертый и послѣдній кругъ ... Чтобы не ждать новыхъ томительныхъ два часа, мы ѣдемъ въ Бриджпортъ по своимъ дѣламъ и такимъ образомъ наше волненіе смягчается и сокращается ... Но въ мысляхъ непрерывное безпокойство: мало ли что можетъ быть!

Ровно въ 5 ч. мы снова возлѣ маяка, гдѣ на этотъ разъ автомобилями переполненъ весь берегъ ... Опять фотографы, корреспонденты, киносъемщики, множество нарядныхъ дамъ ... Какъ ни скрывали присутствіе на кораблѣ Линдберга, а изъ выпусковъ вечернихъ газетъ уже всѣ знали, что первый въ

гдѣ собранные чурки на дрова, чтобы согрѣть своего первенца, лежащаго безъ люльки на кровати .. Неудачные и долгіе поиски работы .. Предлагалъ себя за 75 долларовъ въ недѣлю со всѣми своими изобрѣтеніями, со всѣмъ порывомъ молодости, съ большимъ техническимъ опытомъ, — но не только никто не принялъ, но еще и посмѣялись самонадѣянныя янки: «Вы насъ пріѣхали учить. Мы имѣемъ своихъ прекрасныхъ инженеровъ». Съ рѣхъ поръ пронеслось всего лишь десять лѣтъ, и какихъ лѣтъ! Годы труда, борьбы, усилій, самостоятельной постройки первыхъ аэроплановъ, когда русскіе рабочіе собирали по грошамъ первыя деньги на постройку, а русскіе офицеры работали, не получая платы по 16 недѣль. И какъ жестокая награда за все это — страшная катастрофа; при подъемѣ для полета черезъ океанъ въ 1925 году сгораеть его дѣтище: воздушный гигантъ и убиваетъ двухъ лучшихъ сотрудниковъ ... Все это должно было въ эту минуту умѣститься въ хрупкомъ женскомъ сердцѣ и восторженный возгласъ отзывается въ моемъ сознаніи какъ вскрикъ чеховской «Чайки»... Въ немъ, за ноткой счастья, столько всероссійской грусти, горечи, отчаянія за многое погибшее и обезславленное тамъ, на родинѣ и во всемирномъ разсѣяннѣ. У меня въ душѣ и сердцѣ тишина. Восторгъ мой сложный и обширный. Онъ покрываетъ собою всѣ скорбныя пути, несчастныя судьбы милліоновъ, милліоны покорныхъ гибелей въ безволии, въ безсиліи, въ ничтожествѣ ... А тѣ, кто выжилъ, переносятъ тысячи вынужденныхъ неудачъ. И сколько из-

Восторгъ мой сложный и обширный. Онъ покрываетъ собою всѣ скорбныя пути, несчастныя судьбы милліоновъ, милліоны покорныхъ гибелей въ безволии, въ безсиліи, въ ничтожествѣ ... А тѣ, кто выжилъ, переносятъ тысячи вынужденныхъ неудачъ. И сколько из-

трите! ... Чудо!

Да это былъ чудесный знакъ длившійся всего лишь нѣскольکو секундъ, пока корабль вылетѣлъ изъ облачка. А въ это время весь берегъ уже гудѣлъ отъ гудковъ автомобилей, которые привѣтствовали побѣду.

Счетчикъ отмѣчаетъ: 5 ч. 18 мин. 36 сек. И такъ, въ теченіи 7 ч. 53 м. 58 сек. покрыто 2,000 километровъ. За Америку устанавливается еще четыре рекорда. Заключаются они въ слѣдующемъ: такъ какъ на этомъ разстояніи въ 2,000 кил. европейцы дали среднюю скорость безъ груза въ 188 километровъ (117 миль) въ часъ, а съ грузомъ лишь въ 163 кил. (101 миля) въ часъ, корабль Сикорскаго далъ съ полною на грузкою ту же скорость, что и на 1,000 километровъ, то е. 251 километръ въ часъ. Какъ тутъ же выразился ближайшій помощникъ Сикорскаго М. Е. Глухаревъ:

— «Безобразно мы обставили Европу! ...»

А кто-то изъ американцевъ вставилъ:

— Смѣшъ!...

По-русски это слово можно перевести какъ: «Вдребезги».

Корабль огибаеть маякъ и плавно, граціозно, поднявши грудь, начинаетъ пѣнить морскую воду своимъ хвостомъ. Это особенно красиво у него выходить. Разсчетъ именно такъ и сдѣланъ, что пока у крыльевъ есть еще опора въ воздухѣ, хвостъ уже начинаетъ тормозить о воду. Получается полное впечатлѣніе птицы, садящейся на воду. Затѣмъ онъ осѣдаетъ на воду всей грудью и легко, красиво скользитъ въ устья рѣки Хусатоника ...

Вся масса автомобилей бросается непрерывной вереницей къ заводу — мили двѣ — и публика спѣшитъ на моль. — Близъ ramпы тихо, неподвижно, расправивъ свои крылья, стоитъ покорная, гигантская волшебная птица. Свершивши небывалое въ мірѣ чудо достиженія человѣческихъ воли, духа и разума, она уже спокойно отдыхаетъ. Съ крыльевъ ея падаютъ обильныя капли морской пѣны. Толпа запрудила моль ... Фотографы и кинематографы снимаютъ всѣ подробности момента.. Вскорѣ на мосткахъ у корабля первымъ появляется энергичная фигура капитана Сергіевскаго. За нимъ выходитъ скромный и спокойный Эдвинъ Мюзикъ. — Всѣ съ напряженіемъ ждутъ Линдберга, но онъ долго остается на кораблѣ. Кто то говорить:

— Да его нѣтъ на кораблѣ!..

Но въ этотъ моментъ тонкая, высокая фигура показалась на ступеняхъ лѣсенки. ..

А гдѣ же самъ Сикорскій? .. А Сикорскій, вооруженный крошечнымъ аппаратомъ лейкой, затерявшись среди зрителей, старается поймать въ видоискатель Линдберга на фонѣ своей чудо-машины ...

Кинематографы взгромоздившись на верху автомобиля ловятъ всякое движеніе, всякій звукъ. Вотъ они упрашиваютъ Линдберга позировать. ... Онъ широко улыбается и, отвѣчая на привѣтствія, поворачивается спиною ... Только когда корреспонденты установили въ рядъ весь экипажъ, полковникъ Линдбергъ занялъ свое обычное мѣсто позади всѣхъ. Съ нимъ рядомъ въ центрѣ сталъ русскій механикъ М. Правиковъ. Корреспондентъ Ньюіоркскаго «Таймса» проситъ Линдберга стать на его мѣсто, но Линдбергъ твердо возражаетъ:

— Но, но! ... — и, выдвигая впередъ механика, дружески треплетъ его по плечу.

Всѣ одобрительно смѣются и это еще больше завоевываетъ симпатіи къ примѣрному и благородному американцу.

Наше русское сердце наполняется опять восторгомъ, ко-

гда у приѣмника муветона, впе-реди всего экипажа появляет-ся скромная фигура главнаго виновника побѣды И. И. Сикорскаго. Торжественное - серьезное и краткое его слово облетитъ черезъ газеты и экранъ весь мѣръ — и наполнитъ радостью быть можетъ сотни тысячъ русскихъ людей, укрѣпляя ихъ разбитыя надежды на конечную побѣду русскаго генія, русскаго духа и русской вѣры въ возрожденіе нашей поруганной отчизны.

Еще долго не расхочется толпа. Я держусь въ сторонкѣ, наблюдая главныхъ героевъ дня. Борисъ Вас. Сергіевскій торжественно молчаливъ. Конечно, онъ могъ, при его опытѣ, сей побѣдный полетъ свершить единолично, но участіе главнаго пилота самой огромной авіаціонной компании Эдвина Мюзика и особенно полковника Линдберга не только не умаляетъ, а подчеркиваетъ заслуги и значеніе нашего національнаго героя - летчика. Эдвинъ Мюзикъ флегматично - молчаливъ и смѣшивается съ толпою, какъ будто это не онъ сдѣлалъ изумительно красивую посадку корабля. Но никакъ нельзя потерять изъ вида Линдберга. Онъ всюду видѣнъ и всѣ глаза все время обращаются къ нему. Какъ бы ища спасенія, онъ опять подходитъ къ И. И. Сикорскому.

Въ этотъ моментъ я случайно оказался около Игоря Ивановича. Мнѣ вдругъ захотѣлось пожать руку Линдберга. И Линдбергъ, какъ бы угадывая мое желаніе, дѣлаетъ два шага въ мою сторону съ протянутой рукою и съ широкой, покоряющей улыбкой. Это молчаливое рукопожатіе при нѣсколькихъ теплыхъ словъ И. И. Сикорскаго останется въ моемъ воспоминаніи однимъ

изъ радостныхъ моментовъ моей жизни. Но фотографы опять устремились къ Линдбергу и Сикорскому. Я немедленно отступилъ изъ группы, чтобы случайно не попасть въ камеру ..

Вскорѣ корабль потянулъ на канатъ тотъ же небольшой тракторъ - муравей. А за кораблемъ «крестнымъ ходомъ» потянулася цѣлая процессія участниковъ и зрителей къ заводу. Линдбергъ шель впереди, не торопясь, засунувши обѣ руки въ карманы брюкъ .. Надъ сосѣднимъ аэродромомъ носились два обычныхъ летуна — птахи малаго размѣра, — Линдбергъ вскинулъ голову, посмотрѣлъ на нихъ, какъ опытный стрѣлокъ - охотникъ, знающій всѣхъ птицъ по полету ... И снова продолжалъ просто разговаривать съ шедшимъ съ нимъ президентомъ корпорации Сикорскаго М. Нельсономъ.

Гигантъ - корабль бокомъ вползъ въ ангаръ, гдѣ тотчасъ же началась разгрузка и новое взвѣшиваніе тяжестей. Надо было устранить всякія сомнѣнія, что грузъ не былъ сброшенъ въ воздухъ, что корабль честно привезъ обратно весь песокъ, который погрузилъ ....

Солнце клонилось къ закату. Мы сѣли въ свой автомобиль и полные большихъ переживаній двинулись во свои, радуясь дню славы, которую сотворилъ для Америки свободный русскій духъ и геній.

Георгій Гребенщиковъ.
3 Августа, 1934 г.